

Российская империя и горцы Северного Кавказа: амбивалентность путей взаимопонимания

Северный Кавказ поэтапно и постепенно делался частью общеимперского пространства России усилиями имперских властей и военных вместе с колонизационно-миграционными потоками со стороны разнородных групп населения страны, искавших новых возможностей для успешного существования. Соответственно проходила и адаптация миросоциального пространства этого региона к миросоциуму империи, разделившись на периоды, качественно отличавшиеся своим содержанием.

Сначала обе стороны долго присматривались друг к другу, устанавливая спорадические контакты, часто имевшие причиной внешнеполитические обстоятельства. С XVIII в. отношения между Российской империей и народами, населявшими Северный Кавказ, приобретали устойчивый характер.

Российское государство стремилось закрепить на стратегически важных для него направлениях. В 1735 г. была построена крепость Кизляр, а в 1763 г. – крепость Моздок. Местное северокавказское население (элиты) болезненно отреагировало на экспансию России в прежде подконтрольные местным владельцам пределы. Дипломатические контакты стали подкрепляться военными акциями с обеих сторон, которые

в последней четверти XVIII в. стали приобретать широкий масштаб и непримиримость.

Начало XIX в. принесло новые условия и новые формы взаимодействия, в которых стали доминировать нежелание слушать друг друга и упование на военные, по преимуществу, средства убеждения. Стороны втянулись в стадию острого неприятия друг друга и широкого силового противоборства.

К середине 60-х гг. XIX в. Россия убедила Северный Кавказ в своей силе и серьёзности своих намерений, постепенно и поочередно сокрушив местные ханства и основного своего противника – имамат, горское государство, созданное усилиями дагестанских имамов, а также ополчения горских «вольных» обществ.

По окончании активной фазы вооруженного противоборства обе стороны перешли в своих отношениях в стадию вынужденного сожительства. Россия, основываясь на силе права победителя, предлагала твердой рукой новые правила жизни Кавказу, а её контрагенты, вынуждались обстоятельствами поражения, терпеть навязываемые им условия или уходить из пределов своей родины.

Одновременно с процессами взаимного отталкивания противостоящих миросоциумов стали развиваться процессы их взаимопроникновения в политические, хозяйственные и социокультурные структуры на разных уровнях и с разными результатами. Убедившись в невозможности отделаться или закрыться от присутствия российского государства, горские народы вынуждались обстоятельствами искать новые пути и мотивы для существования в новой для них ситуации [7].

Как отмечает современный исследователь, «горский миросоциум в процессе становления и функционирования там общественных институтов, связывался тесными узами с физико-географическими компонентами местных ландшафтов и местными религиозно-мифологическими поверьями. Они в своей совокупности оказывали сильное влияние на формы исторически существовавшего там общественного быта и хозяйственной деятельности» [6: 103].

Северокавказские миросоциумы при определенном сближении ландшафтного изоморфизма различались ландшафтными спецификациями и этнокультурными компонентами. Существовавшая определенная близость физико-географической среды и климата порождали сходство хозяйственно-экономической деятельности и социально-политической организации, но их воплощения никогда не совпадали и не были идентичными.

Как отмечал М.М. Блиев, «хозяйственная и общественная жизнь

горцев Большого Кавказа определялась прежде всего особенностями географической среды. Зависимость её от природных условий была столь велика, что отрасли экономики и орудия труда, быт и культурные традиции, казалось, являлись частью этой среды» [1: 13], но данное обстоятельство имело весьма негативные последствия, поскольку «указанная система экономики была столь же господствующей, сколь и уязвимой» [1: 14].

Для расширения возможностей выживания горские миросоциумы выработали особый способ увеличения жизненных благ – вооруженный набег «...с целью захвата людей, скота, имущества и других ценностей. На протяжении всей гряды гор Большого Кавказа, от побережья Каспийского и до Черного морей не было уголка, где бы не занимались набегами в виде особого ремесла – вполне сложившейся и развивавшейся отрасли экономики» [1: 16].

Сама действительность самоосуществления горских миросоциумов, демонстрировавшая свою закрытость внешнему миру, по меткому замечанию М.М. Блиева, «...являлась всего лишь элементом военного быта, веками сложившегося у горцев. В него, в этот быт, входили все необходимые не только для набега, но и для обороны средства военной организации...» [1: 642]. Например, «горские черкесы жили в военном обществе, выработавшем...особую идеологию, простую и понятную, эффективно подчинявшую своим установкам всех своих членов. Главенство этой идеологии, приписывавшей «лучше смерть, чем позор», принимало характер общественной стихии...» [1: 643].

Стремление российского имперского миросоциума, пытавшегося ввести местные северокавказские миросоциумы в свой состав, сделать их элементами собственной системы, натолкнулись на ряд фундаментальных препятствий. Социально-политическая среда Северного Кавказа и его территория (ландшафты) не желали сливаться в единое целое с российским имперским мирообразом. Кроме того, европейская логика предлагавшегося Россией не совпадала с логикой северокавказских жителей: они предпочитали местную, опосредованную многими столетиями жизненную систему.

Одной из фундаментальных причин, тормозивших приживаемость государственно-политических структур и институтов имперского миросоциума, была почти повсеместная неизведанность такого рода социокультурных феноменов, в силу их полного отсутствия или начальной стадии формирования среди малого числа горских сообществ. Немалые трудности в данном процессе порождала уже упомянутая приверженность местных северокавказских народов своим многовековым устоям,

жизнеспасительная консервативность которых часто оказывалась сильнее любых доводов и видов осуществления государственности. Традиционность оказывала жесткое сопротивление всему и всем, когда они пытались внедрить в горский миросоциум «неведомого им типа «вертикальных» отношений «господство-подчинение» [4: 9].

С другой стороны, там, где политогенез получил некоторое развитие – горские ханства Дагестана – он сопровождался неизменным наступлением на вековые «самовольства» горских жителей. Ханства стремились весьма крайними мерами управлять волей удалых людей, рожденных и выросших в обстоятельствах патриархально-родовых институтов, с присущей им идеологией эгалитарности и клановой самодостаточности, что повсеместно наталкивалось на твердое и суровое неприятие со стороны «вольных обществ».

Попытки ханов заставить горцев жить в системах надкорпоративного характера, добиться консолидации как внутриэтнической, так и межэтнической, были малопродуктивными. Также недостаточными были усилия по внедрению среди горцев новых устоев политического свойства через универсализм ислама. Патриархально-родовые миросоциальные компоненты, обеспечивавшие сплоченность и гармонию внутри потестарной общности, в политически мотивированной общности большого масштаба «в качестве единого организующего начала не действовали» [4: 8].

Миросоциальность горцев, одной, но важной социокультурной составляющей, которой была родовая патриархальность, исключавшая «господство одних над другими» и предполагавшая общее равенство всех перед основными устоями горского бытия во всех существовавших социальных подразделениях (внутрифамильных, межфамильных, патронимических), находивших воплощение в традициях, обрядах, ритуалах и верованиях, модальность которых была безусловной.

В то же время политогенез в регионе Северного Кавказа не только не затухал, потеряв уверенность и приверженцев в традиционной среде общинного существования, но сама трудность его закрепления среди горцев порождала все новые поползновения, исходящие извне, поскольку только такое развитие социокультурных процессов позволяло надеяться внешним устремлениям и политическим игрокам (Иран, Россия, Турция) взломать непроницаемость местных миросоциумов и взять под свой контроль все миросистемное пространство Кавказа.

Конкурентные усилия России и восточных держав по проникновению в горскую среду, сопровождавшиеся стремлением изменить их миросоциальные устои, сама сила их натиска, не оставляли горским жи-

телям Северного Кавказа средств для неопределенно длительного сопротивления. Расконсервация патриархальности, на которую направляли свои удары внешнесистемные политические силы, вопреки желанию местных народов, готовили почву для будущих преобразований их существования.

Изменения ландшафтной среды во время создания инфраструктурных объектов, путей сообщения, новых поселений различного типа в местностях, ранее свободных от антропогенного влияния или присутствия, не только изменяли внешний облик прежней среды обитания горских жителей, но отнимали у них привычное месторазвития.

Имперский эталон существования и организации общественной жизни, который привносился российской стороной, находился за пределами жизненного опыта и устоев горских жителей. Их внедрение вызвало протест, недоумение и ропот. Вызывали отторжение, казалось, изначально полезные во всех отношениях средства мирной и культурной коммуникации – школы, организуемые российскими властями. Школьное образование, как достижение русско-европейской культуры, при пересадке его в горскую социальную среду, часто приносило больше вреда, чем пользы, т.к. лишало горских детей необходимых для них традиционных навыков повседневного существования, предлагало информацию, которую почти нельзя было применить в горской среде [3: 11].

Представители России, которым поручалось дело адаптации Северного Кавказа в имперскую среду существования, долгое время не сознавали, «какой психологической катастрофой является для горца любого социального статуса перемещение из традиционной среды в незнакомый, непонятный, враждебный и страшный мир...» [2: 430] имперской новации.

Инстинкт самосохранения жителей горских миросоциумов вынуждал их к сопротивлению привносимым новациям любого типа, которое выражалось «в беззаветной преданности вековым устоям жизни и готовности оберегать их от любого разрушительного влияния...высочайшая внутренняя энергетика...физическая мощь этих общин...работала не на идею развития, как было бы естественно предположить, а решительно против неё, во имя сбережения внутриобщинной стабильности и гармонии. Спасение виделось в культурно-цивилизационном статускво...» [4: 22].

Ряд объективных факторов порождал трудности взаимопонимания. Например, пространство каждодневной деятельности. Отдаленность и радикальная несхожесть физико-географического пространства, в котором формировались основные витальные навыки носителей различных

культур, выступали таким существенным препятствием.

Близость фундаментальных основ месторазвития, сходные условия жизни и сходный тип трудовой деятельности могли сглаживать несопадающие элементы культурных оппозиций, способствовать взаимному усвоению различных жизненных навыков. Но в данном случае различность условий и типов встретившихся миросоциумов была существенной и кардинальной.

Одновременно фундаментальные их различия, как и первоначальная враждебная непримиримость, проявлялись с обеих сторон. Адаптационные усилия приходилось прилагать обеим сторонам. Как отмечал в свое время А.Г. Дугин, опиравшийся на идеи К.А. Чхеидзе, от центра в сторону периферии «идет центростремительная тенденция... в другую сторону – то, что он (К.А. Чхеидзе – Д.К.) называет краинизацией» [5: 92].

Российская сторона, столкнувшись с несокрушимостью местной северокавказской традиции, изменила свои подходы и стала убеждать горцев в том, что новая (имперская) традиция не покушается на местную традицию как таковую, не собирается подрывать её силу, не собирается противодействовать её существованию, но имперский модус жизни много лучше отвечает новым условиям, а потому превосходит прежнюю традиционность по ряду параметров, весьма значимых для жизни в социокультурной и политической парадигме российско-европейского общежития, в которую постепенно вводились горские миросоциумы [8].

Однако, реальность оставалась несколько иной уже в силу того обстоятельства, что основания горской миросоциальности выросли из месторазвития местного горного ландшафта, недоступного для кардинальных преобразований и перекодирования в российском имперском смысле. Кроме того, забравшись в пространство горных ландшафтов уже сами славяно-русские колонисты вынуждены были прилагать много усилий для ментального постижения непривычного для них пространства и приобретения навыков жизни в непривычных для них условиях. Из-за этого декларируемое имперскими властями превосходство имперской традиции над традиционностью горских этносов теряло свою убедительность.

Обстоятельства военно-политического и военно-стратегического характера, вместе с обстоятельствами внешнеполитической ситуации лишали официальные российские власти возможности заниматься поисками более тонких инструментов воздействия на горские миросоциумы и вести с ними неспешный диалог. Российские власти не могли бесконечно долго терпеть и сохранять Северный Кавказ «...в статусе

особого, патриархально-родового...анклава имперского государства» [4: 28]. Посредством славяно-русских и иных переселенцев из Европы российские власти постепенно, но довольно быстро по историческим меркам, вводили Северный Кавказ в парадигму административного и социокультурного существования империи. Горские миросоциумы вынуждались к каждодневному соприкосновению с миросоциальностью иного сорта и качественного развития. Их вынуждали к постижению инокультурных социально-политических феноменов и институтов, вынуждали выходить за пределы привычного мира традиции.

Столкнувшись с несокрушимой привязанностью горских жителей к своим миросоциумам, российские власти вынуждались обстоятельствами менять не только свои средства адаптации, но и влиять на адаптационное поведение местного населения, чтобы добиться перемены в их восприятии характера и сущности самой имперской инновационности.

Российская сторона задалась целью так направлять формирование способов социокультурной коммуникации и трансляции социокультурных навыков в северокавказском регионе, чтобы вносимая ею в пространство существования горских этносов инокультурность освободилась от негативной коннотации, перестала возмущать и деформировать горскую миросоциальность, хотя бы на ментальном уровне, и воспринималась местными жителями как необходимый инструментальный выживания в новых условиях. Российским властям хотелось добиться такого адаптивного поведения со стороны горцев, чтобы инокультурные феномены и способы существования иноэтнической миросоциальности освободились от признаков чужеродности, а их историческая миросоциальность перестала быть неприступной и осажденной крепостью, превратившись в разновидность особой мироэтнической адаптации в составе имперского миросоциума.

Библиографический список

1. Блиев М.М. Горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
2. Гордин Я.А. Ермолов. М.: Молодая гвардия, 2012. 600 с.
3. Гумилев Л.Н. Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (Заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М.: Алгоритм: Эксмо, 2012. 336 с.
4. Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век-1917 год). М.: Изд. группа «Навона», 2009. 128 с.
5. Дугин А.Г. Геополитика России. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2012. 424 с.

6. Лазарян С.С. Очерки и характеристики событий кавказской старины первой половины XIX века. Пятигорск: ПГУ, 2018. 247 с.
7. Перепелицин А.И., Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи народов России и Северо-Западного Кавказа в конце XVIII-первой трети XIX веков // История Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. Пятигорск, 2000. С. 181-184.
8. Гранкин Ю.Ю. Колонизационное освоение Северного Кавказа в пореформенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 132. С. 22-33.